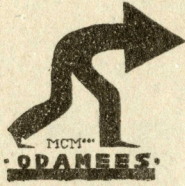

УИГОРЬУ
СЪВЕРЯНИНЪ
ЭОТЯНДСКІЯ
У ПОЭЗЫУ
РУНА ЈОС

ИГОРЬ-СЪВЕРЯНИНЪ

РҮНАЈÕГІ

ЭСТЛЯНДСКІЯ ПОЭЗЫ

ИЗД. „ОДАМЕСЪ“ А МСМХІХ

РЪНАЛОГІ

Est. A

28299

i22336965

Морская памятка

Сколько тайной печали, пустоты и безнадёжья
Въ нарастающемъ морѣ, прибѣгающемъ ко мнѣ,
Въ тишинѣ симфоничной, въ малахитовомъ изнѣжьѣ,
Мнѣ цѣлующемъ ноги въ блекло-шумной тишинѣ.

Только здѣсь, у прибоя, заглушающаго птичье
Незагѣйное пѣнье, озаряющее лѣсъ,
Познаю, просвѣтлѣнный, преимущество величья
Земноводной пучины надъ пучиною небесъ...

1912 Тойла

Морской набросокъ

Е. А. Л.

Тому назадъ всего два года
На этомъ самомъ берегу
Два сердца, въ страсти безъ исхода,
Дрожали, затанвъ тоску, —
Два женскихъ сердца... Этой дрожью
Трепещеть берегъ до сихъ поръ.

... Я прихожу подыять свой взоръ
На море, и у горъ подножья
Послушать благостную дрожь,
Потосковать душой пустынной
Вновь о винѣ своей невинной,
Гдѣ правду скрашивала ложь...

1912 Тойла

Поэза майскихъ дней

Какіе дни теперь стоятъ!
Ахъ, что это за дни!
Цвѣтеть, звенить, щебечеть садъ,
Господь его храни!

И нѣтъ кузнечикамъ числа,
Летающимъ на востокъ.
Весна себя переросла,
И ростъ ея — жестокъ...

У моря, въ липовой тѣни,
Стада на берегу.
Я не могу въ такіе дни
Работать, не могу!..

Ахъ, что же дѣлать мнѣ съ собой?
Я весь сплошная лѣнь:
Въ такіе дни я самъ не свой,
Вѣдь въ эти дни — сирень!

Безволно море. Синегладь.
А небо — какъ оно.
Нельзя ни грезить, ни желать,
Чего-то не дано...

Чего-то жду, кого-то жду...
Такъ страстно жду весь день...
Сирень, сирень въ моемъ саду!
Въ моемъ саду — сирень!

Цвѣти, звени, пылай, мой садъ,
Господь тебя храни!
Какіе дни теперь стоятъ!
Ахъ, что это за дни!

1914 Тойла

Поэза майскихъ дней

Какіе дни теперь стоятъ!
Ахъ, что это за дни!
Цвѣтеть, звенить, щебечеть садъ,
Господь его храни!

И нѣтъ кузнечикамъ числа,
Летающимъ на востокъ.
Весна себя переросла,
И ростъ ея — жестокъ...

У моря, въ липовой тѣни,
Стада на берегу.
Я не могу въ такіе дни
Работать, не могу!..

Ахъ, что же дѣлать мнѣ съ собой?
Я весь сплошная лѣнь:
Въ такіе дни я самъ не свой,
Вѣдь въ эти дни — сирень!

Безволно море. Синегладь.
А небо — какъ оно.
Нельзя ни грезить, ни желать,
Чего-то не дано...

Чего-то жду, кого-то жду...
Такъ страстно жду весь день...
Сирень, сирень въ моемъ саду!
Въ моемъ саду — сирень!

Цвѣти, звени, пылай, мой садъ,
Господь тебя храни!
Какіе дни теперь стоятъ!
Ахъ, что это за дни!

1914 Тойла

Балтика

Балтійская поэза

1.

О, море нѣжное мое. Балтійское,
Ты — милостивѣ всѣхъ — всѣхъ морей!
Вотъ я опять къ тебѣ, вотъ снова близко я,
Тобой отвоенный, для всѣхъ ничей...

2.

О, Скандя — Балтика, невѣста Эрика!
Тебѣ я съ берега
Дарю вѣнокъ...
Ты, лебедь бѣлая, голубка сизая,
Поешь капризово
У барда ногъ.

3.

Въ цвѣтахъ апрѣлести,
Въ улыбкахъ весени,
Въ алмазахъ юности,
Въ мечтахъ любви
Пою я прелести
И тоны плѣсени,
И среброструнности,
Мое, твои!

4.

О, дѣва — женщина!
Ты овселенчена
Своими предками,
Родивши ихъ...
Кличь орлий викинговъ
Зыбучихъ митинговъ
Словами мѣткими
Вмѣщаешь въ стихъ.

5.

Фатой вѣчною
Туманъ опаловый
Тебя излѣскаетъ
И задрапить,
И нѣгой вязкою
Закатъ коралловый,
Лазурно-млечное,
Въ тебѣ сгорить.

6.

Да, я опять къ тебѣ! Да, снова близко я.
И вновь восторженно тебя пою,
О, море милое мое, Балтійское,
Ты, воплотившее Мечту мою!

1913 Корфъ-Веймаръ

Балтійскія кэнзели

Въ пресвѣтлой Эстлянді, у моря Балтійскаго,
Лилитнаго, блеклаго и неуловимаго,
Гдѣ вьются кузнечики скользяще-налимово,
Для сердца усталого — такъ много любимаго,
Святого, желаннаго, родного и близкаго!

И въ часъ ранне-утренній, и въ полдень обѣденный,
И въ сумерки росныя въ мой садъ орезеденный
Въ пресвѣтлой Эстлянді, у моря Балтійскаго,
Столпляются дѣвушки... Но съ профилемъ Эдинымъ
Приходитъ лишь изрѣдка застѣнчиво-рисково...

О, съ профилемъ Эдинымъ! Мнѣ сердце обрызгала
Косою, — оволнила. И къ берегу южному
Залива Финляндскаго, сквозь дѣвушекъ дюжину,
Все ближе ледяная сафирно-жемчужная
Пресвѣтлой Эстлянді царица Балтійская!

1914 Тойла

Эстляндская поэза

Андрею Виноградову

Распахните всѣ рамы у меня на террасѣ, распахните всѣ рамы —
Истомило предгрозье. Я совсѣмъ задыхаюсь. Я совсѣмъ изнемогъ.
Надоѣли мнѣ лица. Надоѣли мнѣ фразы. Надоѣли мнѣ „драмы“.
Уходите подальше, не тревожьте. Всѣ двери я запру на замокъ.

Я весь день и весь вечеръ просижу на террасѣ, созерцая то море,
То особое море, нѣтъ которому равныхъ во вселенной нигдѣ.
Помню Ялту и Дальній, и Баку съ Таганрогомъ. На моряхъ, — я не спорю.
Но Балтійское море развѣ съ тѣми сравнится при полярной звѣздѣ?..

Это море — снѣгурка. Это море — трилистникъ. Это — вишень цвѣтенье.
Это — призракъ безчертный. Эрикъ, принцъ свѣтлоокій. Это море-Лилить.
Ежецвѣтно. Капризно. Несказанно — больное. Все — порывъ. Все — мгновенье.
Все влеченье и зовы. Вѣнценосная Сканда. Умоляя — велить.

Оттого-то и домъ мой — надъ отвѣснымъ обрывомъ у любимаго моря.
Миновало предгрозье. Я дышу полной грудью. Отдыхаю. Живу.
О, сказанья про Ингридъ! О, Норвегіи берегъ! О, Эстляндскія зори!
Лишь въ Эстляндіи свѣтлой мнѣ дано васъ увидѣть наяву! наяву!

1914 Тойла.

Осени предчувствіе

Заалѣютъ клены и залимонѣютъ, будутъ ало-желты.
Побурѣетъ въ буряхъ море голубое, голубое небо,
Будетъ въ зоряхъ холодъ, въ вечерахъ — угрозы,
въ полдняхъ — хлаже золото.
Хочешь иль не хочешь — сердцемъ затоскуешь отъ
нѣмого гнѣва.

Ахъ, землѣ сочувствуй, — осудить опасно: послѣ
жатвы тяжко.

Надо же на отдыхъ: хлѣбъ свой оправдала тру-
женица-матка,

Всѣхъ она кормила: и крестьянъ, и птичекъ, травку
и барашка.

Смертно вы устали: ты, земля, и лошадь, рыжая
лохматка.

Отдохните осень, отдохните зиму. Пробудитесь къ
марту.

Съ помощью Господней, помощью надежной, снова
за работу.

Приходи, старуха въ старой желтой кофтѣ! вы-
мечи-ка карту

На свою погибель, предсказавши солнцу къ маю
позолоту.

1914 Тойла

Письмо на югъ

Нашъ почтальонъ, какъ другъ прилежный,
Которому чего-то жаль,
Принесъ мнѣ вашу carte postale
Въ лиловый влажный безмятежный
Июньскій вечеръ. Другъ мой нѣжный,
Онъ отемнилъ мою печаль —
Открытки вашей тонъ элежный.

Мы съ вами оба у морей,
У парусовъ, у рыбъ, у гребли.
Вы въ осонетенномъ Коктэблѣ,
А я у ревелскихъ камней,
Гдѣ, несмотря на зной дней,
Поля вполную не нахлѣбли,
Но съ каждыи днемъ поля сильнѣй.

... Скажи, простятся-ль намъ измѣны
Селу любезному? зачѣмъ
Я здѣсь вотъ, на примѣръ? и съ кѣмъ
Ты тамъ, на югѣ? Что намъ пѣны,
Въ концѣ концовъ?! что намъ сирены?!
Я къ намъ хочу! и вотъ — я нѣмъ
У моря съ запахомъ вервѣны...

1914 Тойла

Вербэна

Какъ пахнетъ моремъ отъ вервэны
И устрицами, и луной!
Всѣ клѣточки твои, всѣ вены
Кипятъ вервэновой волной.

Цѣлую ли твои я вѣки,
Смотрюсь ли въ зеркала очей,
Я вижу сонъ чаруйный нѣкій,
Въ которомъ море все свѣжѣй.

Неистолимою прохладой
Туда, гдѣ кранчатый лосось,
Гдѣ чайка взрѣяла Элладой,
Влекусь я въ моревую сквозь.

Но только подойду я къ морю,
Чтобъ тронуть шлюпки бичеву,
Со сномъ чаруйнымъ впламя заспору,
Къ тебѣ у моря воззову!

Повѣсть отъ волны вервэной,
Твоею блузкой и косой.
И, смутнымъ зовамъ неизмѣнный,
Я возвращусь къ тебѣ съ тоской.

1914 Тойла

Рондель бѣлой ночи

Сегодня волны не звучать,
И облако — какъ бѣлолилія.
Вотъ англійская эскадрилія
Плыветъ изъ Ревеля въ Кронштадтъ.
Ты на балконѣ шоколадъ
Кусаешь, кутаясь въ мантиліи.
Сегодня волны не звучать,
И облака — какъ бѣлолиліи.
Я у забора. Горный скать.
Ахъ, лѣнно сдѣлать мнѣ усилія —
Сбѣжать къ водѣ: вотъ если-бъ крылія!
Я странной нѣмотой объять
И жутью: волны не звучать.

1914 Тойла

Поэза о барашкахъ

По дорогѣ надъ моремъ, яснымъ утромъ весен-
нимъ,

Въ Духовъ день лучезарный — въ молодой! въ
молодой! —

Шли въ сосновую рощу, дорогая, съ тобой.
Нѣжно нѣжилось море голубымъ сновидѣньемъ,
Вѣковою медузью, устрицевымъ томленьемъ, —
Нѣжно нѣжилось море, упиваясь собой.

Намъ встрѣчались то дачи, то блондинки —
Эстонки,

Строголицыя дѣвы съ жуткой старью въ глазахъ.
И барашки въ пятнашки не играли въ волнахъ,
А рѣзвились на волѣ, такъ ажурны и тонки,
Какъ рожденные въ морѣ... Отчего, — ахъ! —
ребенки

Не родятся барашковыми въ городахъ?...

Оттого, что тамъ городъ. Оттого, что здѣсь поле.
Оттого, что здѣсь море. Оттого, что здѣсь свѣтъ.
Ахъ, вы очень культурны, но души - то въ
васъ нѣтъ:

Вы не знаете горя, вы не знаете боли,
Что въ столицѣ лишились этой шири и воли,
Что подсиѣжникъ мудрѣе... чѣмъ университетъ!

1915 Тойла

Прелюдія

Воспѣное Лохвицкой Миррой,
Ея златогрунною лирой,
Балтійское милое море
Вскипѣло въ эстляндской амфорѣ...

Вскипѣло оно и запѣло,
Запѣло о томъ, что вскипѣло,
А это ничто вѣдь иное,
Какъ то, что оно — молодое!...

1914 Тойла

Утро дня Св. Духа

Мы сидѣли въ соснахъ надъ крутымъ обрывомъ,
Надъ лазурнымъ моремъ, въ ясный Духовъ день.
Я былъ безоблачно-счастливымъ,
Въ моей душѣ цвѣла сирень!

Въ ландышевомъ шелкѣ, затканномъ златисто
(Дивенъ въ бѣлорозахъ милый твой капоть!)
Ты, лежа, слушала лучисто,
Какъ вся душа моя поеть!

Не было похожихъ на тебя, — не будетъ.
Измѣняль другимъ, — тебѣ не измѣню.
Тебя со мною не убудеть,
Себя съ тобою сохраню.

Я построю замокъ, — маленькій, дешевый, —
Въ этихъ самыхъ соснахъ будущей весной, —
Съ тобою жить всегда готовый,
Готовый умереть съ тобой!

1915 Тойла

Поэза о Гогландѣ

Иногда, въ закатный часъ, съ сбрыва,
Послѣ солнца, но еще до звѣздъ,
Вдалекѣ Финляндскаго залива
Виденъ Гогландъ за семьдесятъ верстъ.

Никогда на островѣ я не былъ,
Ничего о немъ я не слыхалъ.
Вѣроятно: скалы, сосны, небо,
Да рыбацьи хижины межъ скалъ.

Обратимся, милая, къ сосѣдямъ,
Къ молчаливымъ, хмурымъ рыбакамъ,
На моторной лодкѣ мы поѣдемъ
Далеко, къ чуть виднымъ берегамъ.

Я возьму въ волнистую дорогу
Сто рублей, тебя, свои мечты.
Ну, а ты возьми, довѣрясь Богу,
Лишь себя возьми съ собою ты!..

Вотъ и все. Намъ большаго не надо.
Это все, что нужно намъ имѣть.
Островъ. Домъ. Стихи. Маруся рядомъ.
А на хлѣбъ я раздобуду мѣдь.

1915 Тойла

Поэза счастья

Я не могу не радоваться маю
И не воспеть его я не могу,
Когда тебя такъ пылко обнимаю
На благодатномъ этомъ берегу.

Который разъ все въ тотъ же, все въ зеленый,
Въ весенній шелкъ закуталась земля?
Который разъ, въ мечту свою влюбленный,
Я ухожу въ зовущи поля?

Но въ этотъ годъ — весна совсѣмъ иная,
И май иной, — все лучше, все свѣтлѣй!
Мечта сбылась: со мною ты, родная,
А потому — я только соловей!

Мнѣ все равно, въ какіе тамъ размѣры
Вольется стихъ горячій, все равно! —
Кошунственны изысковъ камамберы.
И быть банальнымъ снова мнѣ дано!..

Когда тебя я къ сердцу прижимаю,
И твоего капота тлѣетъ тюль,
Могу ли я не радоваться маю
И пережить любимую могу-ль?

1915 Тойла

Деятнадцативешняя

Деятнадцативешней впечатлѣнія жизни несравненно новѣе,

Несравненно острѣе, чѣмъ готовому встрѣтить май тридцатой весны.

Деятнадцативешней легче въ истину вѣрить, какъ въ прекрасную фею,

Какъ бы ни были годы, — восемнадцать минувшихъ, — тяжелы и грустны! . .

И когда расцвѣтають бирюзовыя розы и душистый горошекъ,

Ей представить наивно, что они расцвѣтають для нея, для одной;

И когда вылетаютъ соловьями рулады изъ сосѣдскихъ окошекъ,

Ей представить наивно, что поетъ кто-то близкій, кто-то тайно-родной . . .

Деятнадцативешней можетъ лѣсъ показаться никогда нерубимымъ,

Неувядными маки, челсвѣчными люди, неизсячнымъ ручей.

Деятнадцативешней можетъ стѣлаться каждый недостойный любимымъ:

Вѣдь его недостойность невидна, непонятна для пресвѣтлыхъ очей . . .

И когда молодая — о, душистый горошекъ! — о, лазурныя розы! —

Веселятся рѣзвуньи, мнѣ мучительно сладко, но и больно за нихъ . . .

И когда голубыя поэтички, какъ птички, подъ угрозами прозы

Прозрѣвать начинаютъ, я въ отчаяньи плачу о мечтахъ голубыхъ! . . .

1915 Тойла

Не улетай!

Бѣгутъ по морю голубому
Барашки бѣлые, рѣзвась...
Ты медленно подходишь къ дому,
Полугрустя, полусмѣясь...

Улыбка, блѣдно розовѣя,
Слетаетъ съ устъ, какъ мотылёкъ...
Ты цѣпенѣешь, морефея,
И взглядъ твой близокъ и далекъ...

Ты видишь островъ, дальній островъ,
И паруса, и челноки,
И ты молчишь легко и просто, —
И вотъ — крыло изъ-подъ руки!..

Не улетай, прими истому:
Вступи со мной въ земную связь...
Бѣгутъ по морю голубому
Барашки бѣлые, рѣзвась...

1915 Тойла

Поэза голубого вечера

Мы ѳхали съ тобою въ бричкѣ
Широкою и столбовой.
Порхали голубыя птички.
Быль вечерь сине-голубой.

Изъ лѣса выбѣжала рѣчка
И спряталась, блеснувъ хвостомъ
О, рѣчка, рѣчка — быстротечка!
О, призракъ, выросшій кустомъ!

Плясали сѣрья лисички
На заднихъ лапкахъ pas de grasce.
Мы ѳхали съ тобою въ бричкѣ
И бредили, — который разъ?

Навстрѣчу намъ ни человекъ:
Безлюдье мертвое и тишь.
И только хата дровосѣка,
Да развѣ ель, да развѣ мышь.

Смотрю: глаза твои синѣютъ,
И блѣдный ликъ поголубѣлъ,
И только губы весенѣютъ —
Затѣмъ, чтобъ я ихъ алость пѣлъ...

Не по желанью, — по привычкѣ
Намъ надо двигаться съ тобой,
А потому мы ѳзимъ въ бричкѣ
Проселочной и столбовой.

1915 Тойла

Поэза маленькой дачи

Граммофонъ выполняетъ, подь умѣлой рукою
Благородно и тонко, амбрузный мотивъ.
Я внемлю Тетрацини съ мимолетной тоскою:
Тетрацини — въ деревнѣ, гдѣ безбрежіе нивъ!..

Развѣ могутъ быть гдѣ-то и толпа, и эстрада?
Развѣ можетъ даваться эlegantный концертъ?
Сердце бьется спокойно, сердце сельному радо,
Сердцу здѣшнему чужды и Вильгельмъ, и
Альбертъ...

Какъ повѣрю я въ городъ? Какъ повѣрю я въ
войны?

Какъ повѣрю въ театры? Какъ повѣрю въ толпу?—
Если плещется море бирюзово-спокойно,
И луна намѣчаетъ золотую тропу?

Я — въ Эстляндіи свѣтлой, съ воплощенной мечтою!
У меня есть поэзы; мнѣ незримо поютъ
Тетрацини и вѣтеръ... Потому-то не стоятъ
Всѣ заботы земныя дачи маленькой — Крутъ!

1915 Тойла

Томленіе бури

Сосны качались, сосны шумѣли,
Море рыдало въ бѣло-сѣдомъ.
Мы замолчали, мы онѣмѣли,
Вдругъ обеззвучилъ маленькій домъ.

Облокотившись на подоконникъ,
Въ думѣ бездумной я застывалъ.
Въ вѣтрѣ галопомъ бѣшенымъ кони
Мчались куда-то, — пѣнился валъ.

Ты на кровати дрожко лежала
Въ полуознобѣ, въ полубреду.
Сосны гремѣли, море рыдало,
Тихо и мрачно было въ саду.

Съежились листья желтыхъ акацій.
Рыжія лужи. Карій песокъ.
Развѣ мы смѣли утромъ смѣяться?
Ты одинока. Я одинокъ.

1915 Тойла

Томленіе бури

Сосны качались, сосны шумѣли,
Море рыдало въ бѣло-сѣдомъ.
Мы замолчали, мы онѣмѣли,
Вдругъ обеззвучилъ маленькій домъ.

Облокотившись на подоконникъ,
Въ думѣ бездумной я застывала.
Въ вѣтрѣ галопомъ бѣшенымъ кони
Мчались куда-то, — пѣнился валь.

Ты на кровати дрожко лежала
Въ полуознобѣ, въ полубреду.
Сосны гремѣли, море рыдало,
Тихо и мрачно было въ саду.

Съежились листья желтыхъ акацій.
Рыжія лужи. Карій песокъ.
Развѣ мы смѣли утромъ смѣяться?
Ты одинока. Я одинокъ.

1915 Тойла

Поэза оттѣнковъ

Есть въ бѣлыхъ ночахъ лиловость,
Лиловость въ бѣлыхъ ночахъ.
Въ нѣжныхъ очахъ — суровость,
Суровость въ твоихъ очахъ . . .

Въ фіалкѣ бываетъ блѣдность,
Блѣдность въ лиловомъ цвѣткѣ.
Въ златоприческѣ — мѣдность,
Мѣдь въ золотомъ волоскѣ.

Есть что-то въ веснѣ старушье,
Какъ вешнее есть въ быломъ.
Въ душѣ у тебя бездушье,
Душа — въ бездушьи твоемъ !

1915 Тойла

Скорбь, прорѣзающая смѣхъ

Ты сегодня алоуста, ты сегодня синеглаза,
И лицо полно экстаза,
Веселишься и поешь,
Вся — весна, вся — май счастливый, восхити-
тельная грезка,

И кокетливо, и броско
Ты улыбки расточаешь,
Все живишь, все оживляешь
И живешь! живешь! живешь!

Дай послушаться мнѣ пѣсенъ! дай мнѣ въ очи
наглядѣться!

Дай куда-нибудь мнѣ дѣться
Отъ весны и отъ стиховъ!..

Посмотри, за этимъ полемъ — видишь сосны?
видишь елки? —

Тлѣютъ тамъ въ зеленомъ шелкѣ
Трупы, жизнь любившихъ нѣжно,
Цѣловавшихся мятежно
Подъ напѣвы соловьевъ..

1915 Тойла

Поэза раскрытыхъ глазъ

Арфѣть вѣтеръ — далѣть Нарва,
Синѣть море. златѣть тишь.
Душа — какъ парусъ, душа — какъ арфа.
О чемъ бряцаешь? куда летишь?

Свѣжо и знойно. Свѣтло и смѣло.
Чего-то надо. Чего-то ждешь.
Душа жестокость свершить посмѣла!
Душа посмѣла отторгнуть ложь!

Въ быломъ ошибка. Въ быломъ — ненужность.
Въ быломъ — уродство. Позоръ — въ быломъ.
Въ грядущемъ — чувства ея жемчужность,
А въ настоящемъ — лишь переломъ.

Ахъ, оттого-то арфѣть вѣтеръ,
Далѣть берегъ, поеть заливъ!..
Ахъ, оттого-то и жить на свѣтѣ
Я страстно жажду, глаза раскрывъ!..

1915 Тойла

Избѣгнувшіе Петрограда

Я съ каждымъ днемъ къ тебѣ все чутче,
Въ моей душѣ властнѣетъ Тютчевъ.
Любовь углубнѣй съ каждымъ днемъ,
Все слаже — слаже быть вдвоемъ.

Мнѣ тягостно себѣ представить,
Какъ могъ бы я тебя оставить, —
Хотя на день, хотя на часъ,
Изъ деревушки отлучась...

Прощай, ия расе Петрограда:
Тебя избѣгли мы. Отрада
Да внидетъ къ намъ съ крестомъ въ рукѣ
Въ уѣздномъ старомъ городкѣ.

Засентябрѣетъ желтополье, —
Прости, эстляндское приволье.
Покинемъ мы тебя на годъ,
Насъ въ Нарвѣ снѣгомъ занесетъ. —

Чѣмъ больше тиши, больше снѣга,
Тѣмъ выразительнѣе Эго;
Тѣмъ упоительнѣе дни,
Чѣмъ дольше будемъ мы одни...

Въ дубовомъ синемъ кабинетѣ
Я буду пѣть о новомъ лѣтѣ,
Я буду новыхъ ждать побѣдъ,
Твоимъ присутствіемъ согрѣтъ...

И ты, какъ рыцарица духа,
Благодаря кому разруха
Дотепной жизни — гдѣ-то тамъ,
Прижмешь свои къ моимъ устамъ...

1915 Тойла

Поэза лѣсной опушки

Ты бродила на опушкѣ лѣса, —
Дѣвушка безъ крови и безъ вѣса, —
Въ синей съ бѣлымъ воротомъ матроскѣ.
Съ персиковымъ шарфомъ вокругъ причёски.

Накорзинивъ рыжики и грузди,
Съ тихимъ смѣхомъ, въ чуть веселой грусти,
Кушала лиловую чернику.
Бралъ тебя туманъ въ свою тунику.

Такъ, отъ полдня вплоть до повечерья,
Ты со взоромъ, чуждымъ суевѣрья,
На опушкѣ лѣса проблуждала
И меня глазами колдовала . . .

1915 Тойла

Поэза о тщетѣ

Въ ея рукѣ плалочекъ — слёзовикъ,
Въ ея душѣ — о дальнемъ боль...
О, какъ ненуженъ подберезовикъ!
О, какъ несладокъ гоноболь!

И лѣсъ, не давшій исцѣленія,
Она мѣняетъ на экспрессъ,
На мимолетность и движеніе
Она мѣняетъ тихій лѣсъ.

Какъ раздражаютъ эти станціи!
Олюденные поѣзда!
Какъ въ городъ хочется Констанціи!
Какъ ей наскучила ѣзда!

Навстрѣчу яркому и рѣзкому
И скорбному наперекоръ,
Она по блещущему Невскому
Пускаетъ пламенный моторъ.

То въ оперѣ Консерваторіи,
То въ блескѣ званныхъ вечеровъ,
То въ промелькѣ пустой исторіи
Старается разслышать зовъ...

Все тщетно. Явно обезцѣлено.
Ни въ чемъ забвенья не найти.
Страдать до смерти кѣмъ-то велѣно,
И къ смерти всѣ ведутъ пути!..

1915 Іеве

Сказаніе о Ингридъ

1.

На юго-востокъ отъ Норвегіи, въ Ботническомъ
шхерномъ заливѣ,
Былъ островъ съ особеннымъ климатомъ: на сѣ-
верѣ юга клочокъ.
На немъ — королевство Миррэлія, всѣхъ царствъ
и республикъ счастливѣй,
Съ красавицею-королевою, любившею народъ горячо.

2.

У Ингридъ Стэрлингъ лицо безкровно.
Она — шатенка.
Стройна. Изящна. Глаза лиловы. И
скорбенъ ротъ.
Таится въ Ингридъ подъ лѣсофеей
демимондѣнка.
Играетъ Ингридъ. Она поэзить. Она поеть.

3.

Она прославлена, какъ поэтесса. Она прославлена,
какъ композиторъ.
Она прославлена, какъ королева. Она прославлена
всеславьемъ славы.
Наслѣдникъ маленькій, Олегъ Полярный — и дочь
прелестная Эклерезита,
И принцемъ-регентомъ суровый викингъ, но сердце
любящее — Грозопраяя.

4.

Эрикъ Свѣтлоокій, Сѣвера король,
Любитъ Ингридъ нѣжно,
Любитъ Ингридъ тайно,
Любитъ Ингридъ вѣчно.
Эрикъ Свѣтлоокій, Сѣвера король,

Хочеть къ ней мятежно,
Ищеть съ ней случайной
Всрѣчи и сердечно
Пишетъ: „Королева! выслушать изволь:
Ждетъ съ тобой свиданья Сѣвера король.“

5.

Ингридъ прочла посланье, Ингридъ смѣялась нервно,
Ингридъ кусала губы: Ингридъ любила его!
Но Грозоправъ былъ мужемъ! Но Грозоправъ былъ
первымъ,
Первымъ, невинность взявшимъ; кромѣ нея —
ничего!..

6.

И отвѣчаетъ Ингридъ Эрику, и отвѣчаетъ Ингридъ
дальному,
Такому дальнему и милому страны полярной королю:
„Привѣтъ влюбленному-любимому! Привѣтъ, какъ
я сама, печальному!
Привѣтъ тому, о комъ тоскую я! Привѣтъ тому,
кого люблю!“

7.

И больше ни слова. Пойми, какъ желаешь.
Пойми, какъ умѣешь. Пойми, какъ поймешь.

8.

Плыветь эскадрилья въ столицу Сіаижъ.
О, Эрикъ! въ Миррэлію ты ли плывешь?

9.

Его корабль съ штандартomъ короля
Въ восходный часъ
Приплыль.

И свита дѣвъ, страну ея хваля,
Поеть: „Для насъ
Край милъ.“

10.

Выходить Ингридъ на южный берегъ,
При Грозоправѣ идетъ къ нему:
— Тебя встрѣчаю, пресвѣтлый Эрикъ,
Ты освѣтляешь земную тьму.

11.

Но край мой, не правда ли, свѣтелъ? но край мой,
не правда ли, ясенъ?
И свѣтлаго гостя встрѣчаетъ не менѣе свѣтлый
народъ.
Я знаю, что Эрикъ отваженъ! Я знаю, что Эрикъ
прекрасенъ!
Я знаю, что любить онъ Ингридъ и смѣло къ себѣ
призоветъ!

12.

Ты прости, Грозоправъ: я тебя не хочу,
Свѣтлоокому Эрику рада...

13.

Потянулась рука Грозоправа къ мечу
И свершила мгновенно, что надо.

14.

Грозоправа хоронили, Грозоправа провожали,
Грозоправа называли: „Справедливый Грозо-
правъ.“
Въ замкѣ Ингридъ начертали въ спальнѣ но-
вые скрижали:
„На несчастіи другого каждый счастье стро-
ить правъ.“

Это было въ счастливой Миррэліи,
Въ синей тѣни лазоревыхъ сливъ.
Златолира же оменестрелила
Сердцу Игоря сладостный миѣъ...

1915 Тойла

Слѣпая Зигридь

Слѣпая Зигридь дѣвушкой была.
Слѣпая Зигридь съ матерью жила.
Ихъ домъ стоялъ надъ рѣчкою въ лѣсу.
Ихъ садъ впивалъ заристую росу.

До стараго села не далеко.
Имъ Диза приносила молоко,
Хорошенькая шведка изъ села.
Слѣпая Зигридь дѣвушкой была.

Она была добра и молода,
Но такъ уродлива и такъ худа,
Что ни одинъ прохожій селянинъ
Не звалъ ее въ траву своихъ долинъ.

Коротко-ль, долго-ль — только жизнь текла.
Слѣпая Зигридь дѣвушкой жила.
Слѣпая Зигридь жаждала любить:
Ахъ, кто придетъ любовью упоить?

Никто не шель, но шель за годомъ годъ,
Слѣпая Зигридь вѣрить устаеть,
Слѣпая Зигридь столько знаетъ слезъ,
Что весь отъ нихъ растрескался утесъ...

И старый домъ, и затаенный садъ,
Уже дрожа, обрушиться грозятъ.
И безобразный ликъ ея слѣпой
Все безобразнѣй съ каждою весной.

И часъ насталь: въ закатный часъ одинъ
Пришелъ ея мечтанный властелинъ...
Съдой скопецъ... и, увидавъ ее,
Вскричалъ: „Отдайте прошлое мое!“

Но онъ заглохъ, его безумный крикъ:
Холодный трупъ къ груди его приникъ.
Слѣпая Зигридь дѣвою жила, —
Слѣпая Зигридь дѣвой умерла.

1915 Тойла

Бирюзовая поэза

Какъ солнце восходить разъ въ сутки,
Восходить въ крови моей страсть...
И счастья минуту украсть
Спѣшу у Тоски-Безпробудки,
Сидящей собакою въ будкѣ,
Оскаливъ зубастую пасть.

Вся уличка въ маевой тюлькѣ
Качается, чуть бирюзась.
Окрѣпла поснѣжная грязь.
Эстонка проносить копчульки.
И въ птичьемъ восторженномъ булькѣ
Есть съ булькомъ крови моей связь...

Я молодъ! Отдайся мнѣ, солнце!
Отдайся, вся зелень! вся синь!
Отдайся отдачей святынь
Пчелиной душѣ аполлонца!
Сквози голубая корона
Надъ ликомъ любимой! Аминь.

1915 Тойла

Поэза о Маіоренгофѣ

Я помню : въ Маіоренгофѣ,
Когда мнѣ было семь лѣтъ,
Я грезилъ о катастрофѣ,
О встрѣчахъ, которыхъ нѣтъ.

Какъ вѣрная мнѣ вассалка,
Собака ходила за мной,
И грезилась мнѣ „Русалка“,
Погибшая той весной.

Матап съ генеральшей свитской
Каталась въ вечерній часъ.
И *нынѣшній* Кусевицкій
Настраиwалъ контрабасъ ...

А я увлекался рьяно
Оркестромъ „дружка“ своего :
О, палочка Булерьяна!
О, милый автографъ его!

И это же самое море,
Когда мнѣ было семь лѣтъ,
Мнѣ пѣло, мечты лазоря,
О встрѣчахъ, которыхъ нѣтъ ..

1915 Тойла

Эсть-Тойла

За двѣсти вѣрсть отъ Петрограда,
Отъ станціи въ семи верстахъ,
Тебѣ душа поэта рада,
Селенье въ ёловыхъ лѣсахъ!

Тамъ блекнуть сѣверныя зори,
Чьи тоны близки къ жемчугамъ,
И ласково подходитъ море
Къ головокружнымъ берегамъ.

Какъ обольстительное пойло, —
Колдуйный нектаръ морефей, —
Влечетъ къ себѣ меня Эсть-Тойла
Волнами моря и вѣтвей.

Привѣтъ вамъ, шпроты и лососи,
И ракушки, и голоса,
Звучащіе мнѣ на откосѣ, —
Вы, милые мои лѣса!

Давно я мѣстность эту знаю,
Ее я вижу часто въ снахъ...
О, сердце! къ солнцу! къ морю! къ маю!
Къ Эсть-Тойлѣ въ ёловыхъ лѣсахъ!

1918 Тойла

Опять вдали

И воть опять вдали Эсть-Тойла
Съ лазурью волнь, съ ажурью пѣнь.
Конь до весны поставлень въ стоило, —
Я снова взять столицей въ плѣнь!

Я негодую, протестую,
Но внемля хлѣбному куску,
Я оставляю жизнь простую,
Вхожу въ столичную тоску.

О, какъ мучительно, какъ тонко
Моя душа оскорблена!..
... Проходить тихая эстонка,
Въ чьихъ косахъ — рожь, лёнь и луна.

Идетъ, — Альвина или Лѣйла. —
Береговою крутизной.
Идетъ вѣка. Прости, Эсть-Тойла,
И жди меня во влажный зной!

1918 Петроградъ

Ахъ, есть ли край ?

Ахъ, есть ли край ? ахъ, края нѣтъ ли,
Гдѣ мудро движется соха,
Гдѣ любить бурю въ морѣ бретлингъ,
И льнѣть къ орѣшнику ольха ?

Гдѣ въ каждомъ домѣ пианино
И Листъ, и Брамсъ, и Григъ, и Бахъ ?
Гдѣ хлѣбомъ вскормлена малина,
И привкусъ волнъ морскихъ въ грибахъ ?

Гдѣ каждый труженикъ-крестьянинъ
Выписываетъ „свой“ журналъ
И, зная ширь морскихъ скитаній,
Порочной шири вѣкъ не зналъ ?

Гдѣ что ни мѣстность — то кургаузъ,
Спектакли, тѣннисъ и оркестръ ?
Гдѣ, какъ голубка, дѣвственъ парусъ, —
Какъ парусъ, обликъ бѣлъ невѣсть ?

Ахъ, нѣтъ ли края ? край тотъ есть ли ?
И если есть, что то за край ?
Ужъ не Эстляндія-ль, гдѣ, если
Пожить, повѣрить можно въ рай ?..

1918 Петроградъ

На лыжахъ

Къ востоку, вправо, къ Удреасу,
И влѣво — въ Марць и въ Изенгофъ —
Одѣтый въ солнце, какъ въ кирасу,
Люблю на лыжахъ скользь шаговъ.

Колёса палокъ, упираясь
Въ голубо-блѣсткій мартный настъ,
Даютъ разгонъ и — черный аистъ —
Скольжу, въ движеньяхъ лыжныхъ часть.

О, лыжный спортъ! я воспою-ли
Твою всю удалъ, страсть и воль?
Мнѣ въ мартѣ знойно, какъ въ юлѣ!
Листъ чуется сквозь вѣтокъ голь!

И бодро двигая боками,
Снѣгъ лыжей хлопаю плашмя,
И все машу, машу руками,
Какъ будто крыльями двумя!..

1918 Петроградъ

Въ Ревель!

Упорно грезится мнѣ Ревель
И старый паркъ Катеринталъ.
Какъ пажъ влюбленный королевъ
Цвѣты, несущимъ стрѣлою

Влекутъ готическія зданья,
Ихъ шпили острые, — иглой, —
Полуистлѣвшія преданья,
Останки красоты былой.

И лабиринты узкихъ улицъ,
И видъ на море изъ домовъ,
И вкусъ холодныхъ, скользкихъ устрицъ,
И мудрость сѣверныхъ умовъ.

Какъ пажъ влюбленный къ королевъ,
Лечу въ удачливый четвергъ
Въ зовущій Ревель — за Іеве,
За Изенгофъ, за Везенбергъ!

1918 Петроградъ

Лейтенантъ С.

Вы не слыхали про поэта,
Поэта лейтенанта С?
Въ немъ много теплоты и свѣта
И море милое, и лѣсъ.

Онъ сынъ Случевского. По крови
И духу сынъ Въ лазори строкъ —
Онъ бѣлый голубь. На Наровѣ
Его имѣнне „Уголокъ“.

Не подходите, какъ къ Синаю,
Къ нему, а просто, какъ къ стеблю. . .
Пятнадцать лѣтъ его я знаю
И ласково его люблю.

Люблю я грусть элегій „Съ моря“,
Посланий молодой женѣ,
Въ которыхъ онъ, природѣ вторя,
Такъ родствененъ, такъ близокъ мнѣ.

Онъ чистотой доступенъ дѣтямъ,
И нѣжно я его пою.
Поэтъ погибъ на тридцать третьемъ
Въ Цусимскомъ горестномъ бою.

Сосѣдъ Эстляндіи волшебной,
Воспѣвшій Гогландъ, край чудесъ,
Тебѣ мой поздній гимнъ хвалебный,
Мяѣ — книга лейтенанта С.

1918 Петроградъ

У Сологуба

Жиль Сологубъ на дачѣ Мегаръ,
Любимый, старый Сологубъ,
Въ комъ скрыта магія и нѣга,
Кто ядовитъ и нѣжно-грубъ...

Такъ въ Тойлѣ прожилъ онъ два лѣта
На крайней дачѣ, у полей
И кладбища, и было это
Житье мнѣ многого милѣй.

Изъ Веймарна къ нему прѣхать
Мнѣ нравилось въ разсвѣтный часъ,
Когда, казалось мнѣ, утѣха —
Искать въ травѣ росы алмазь.

Я шель со станціи, читая
Себѣ стихи, сквозь холодокъ.
Душа пылала молодая,
И простудиться я не могъ.

Я приходилъ, когда всѣ спали
Еще на дачѣ, и въ саду
Бродилъ до полдня, и въ опалѣ
Тумана нюхалъ резеду...

1918 Петроградъ

Прежде и теперь

А вечерами метеола
Насъ опьяняла, какъ вино,
И строфамъ съ легкостью Эола
Кружиться было суждено.

Ночами мы пикниковали,
Ловили раковъ при кострѣ,
Крюшонъ тянули, и едва-ли
Въ постель ложились на зарѣ...

Второе лѣто на курортѣ
И я съ нимъ вмѣстѣ проводилъ.
То были дни, когда о тортѣ
И самъ кондитеръ не грустилъ...

Когда проѣхаться въ вагонѣ
Еще ребенокъ рисковалъ,
Когда Негг Брюкманъ въ пансионѣ
Вино открыто продавалъ...

День стоилъ не бумажекъ тридцать,
А три серебряныхъ рубля,
Что могутъ нынѣ появиться
Лишь развѣ въ замкѣ короля!..

1918 Петроградъ

Царица русскаго стиха

Поэма Лохвицкой „У моря“,
Гдѣ обрисованъ Петергофъ,
Миѣ грѣзы красочно узоря,
Волшбить меня ажуромъ строфъ.

И Миррой Балтика воспѣта,
Царицей русскаго стиха,
Признавшей тьму во имя свѣта
И добродѣтель для грѣха!..

Бывала ли она въ Іеве?
Ходила-ль въ сосны на обрывъ?
И пѣлъ ли ей, какъ королевѣ,
О свѣтломъ Эрикѣ заливъ?

Онъ славиль ли ее, какъ Ингридъ,
Какъ королеву королевъ?
Съ тѣхъ поръ, какъ склепъ для Мирры
Онъ заскорбѣлъ ли, посѣдѣвъ? [вырыть.

Не знаю я. Никто не знаетъ,
То тайна Мирры и волны.
Но взоръ увидѣть ожидаетъ
Ее въ сіяніи луны.

Она мертва? Она воскреснетъ!
Она не можетъ не ожить!
Она споетъ такія пѣсни,
Что перестанетъ міръ тужить!

1918 Петроградъ

Два острова

За по́стомъ Марцемъ, въ острыхъ соснахъ,
Надъ моремъ висится обрывъ
Для грезашихъ и безвопросныхъ
Въ житейской прозѣ, — тѣхъ, кто живъ!

Оттуда (тамъ меня не троньте!
Мнѣ ваши дразги не нужны!)
Два острова на горизонтѣ
Въ погоду ясную видны.

Пою обрывъ, который вогнуть
По направленью къ нимъ дугой;
Одинъ изъ нихъ зовется Гогландъ
И Бѣлымъ маленькій, другой.

Ихъ контуры маняще-чѣтки,
Влекущи обликомъ своимъ.
Лелѣю мысль: въ моторной лодкѣ
Когда-нибудь поѣхать къ нимъ.

Готовъ судно, Василій Кроховъ,
Ты, обэстоненный рыбакъ!
А чтобы не было плыть плохо,
Захватимъ водку и табакъ!

1918 Петроградъ

Нарва

Я грежу Нарвой, милой Нарвой,
Я грежу крѣпостью ея,
Я грежу Нарвой, — тихой, старой, —
Въ ней что-то яркое свое.

О, городъ древній! городъ шведскій!
Трудолюбивый и простой!
Плѣнень твоей улыбкой дѣтской
И бородой твоей сѣдой.

Твой обликъ дряхлаго эстонца
Душѣ поэта странно-милъ.
И твоего, о Нарва, солнца
Никто на свѣтѣ не затмиль!

Твоя стремглавная Нарова
Галопомъ скачетъ въ Гунгербургъ.
Косится на тебя сурово
Завидующій Петербургъ.

Какъ не воспѣть твою мнѣ честность
И гражданъ дружную семью,
И славную твою извѣстность,
И проституцію твою?

Она, какъ бѣлая голубка,
Легка, бездумна и чиста!
О, добрый взглядъ! О, лисья шубка!
О, некрасивыхъ красота!

1918 Петроградъ

Юрьевъ

Гдѣ Эмбахъ, берегъ свой понутивъ,
Течетъ лифляндскою землей,
Какъ центръ культурный, выросъ Юрьевъ,
Такой радушный и живой.

Онъ, переназванный изъ Дерпта,
Нѣмецкій духъ не угасилъ.
Въ моихъ стихахъ найдется лепта
И Юрьеву, по мѣрѣ силъ.

О ты, столѣтняя крапива,
Намъ расскажи про прежній пиръ,
Про вкусъ студенческаго пива,
Про лязгъ студенческихъ рапиръ ;

Намъ расскажи о глазкахъ Гретхень,
Сентиментально-голубой,
И о бесѣдкѣ въ паркѣ ветхой,
О козняхъ, дѣянныхъ тобой ...

О романтической эпохѣ,
О рыцарствѣ былыхъ временъ,
Какъ упоенны были вздохи,
И какъ безоблаченъ былъ сонъ !..

1918 Петроградъ

Къ Альвинѣ

Не удивляйся ничему...

К. Фофановъ

Сосѣдка, дѣвочка Альвина,
Приносить утромъ молоко
И удивляется, что вина
Я пью такъ весело-легко.

Еще бы! — тридцать пять бутылокъ
Я выпилъ, много, въ десять дней!
Мнѣ позволяет мой затылокъ
Пить зачастую и сильнѣй.

Послушай, дѣвочка льняная,
Не удивляйся ничему:
Жизнь городская — жизнь больная,
Такъ что-жъ беречь ее? къ чему?

Такъ страшно къ пошлости прилипнуть, —
Вотъ это худшая вина,
А если суждено погибнуть,
Такъ пусть ужъ лучше отъ вина!

1918 Петроградъ

Почтальонъ

То по шоссе, для шины колкомъ,
То по тропинкѣ черезъ лёнъ,
То утрамбованнымъ просёлкомъ
Велосипедитъ почтальонъ.

Онъ всѣмъ знакомъ. Онъ старый Перникъ.
Онъ служить здѣсь тридцатый годъ.
Письмо отъ Щепкиной-Куперникъ
Онъ мнѣ въ окно передаетъ.

Я приглашаю на террасу
Его, усталого, зайти,
Чтобъ выпить хересу иль квасу
И закусить въ его пути.

Онъ входитъ очень деликатно
И подвигаетъ стуль къ столу.
А море благостно-закатно,
Подобно алому стеклу.

Сосредоточенно и ровно
Онъ пьетъ токайское вино.
Что пишетъ мнѣ Татьяна Львовна?
Но, впрочемъ, кажется темно.

1918 Петроградъ

Афоризмы Уайльда

Мы слышимъ въ вѣтрѣ голосъ скальда
Рыдающаго вдалекѣ,
И афоризмы изъ Уайльда
Читаемъ, сидя на пескѣ.

Мы, углубляясь въ мысль эстета,
Не презираемъ, а скорбимъ
О томъ, что Храмъ Мечты Поэта
Людьми кощунственно дробимъ...

Намъ море кажется не моремъ,
А въ скорби слитыми людьми...
Мы ихъ спасемъ и олазоримъ, —
Возможность этого пойми!

Вотще! Въ огнѣ своихъ страданій,
Въ кипѣнни низменной крови,
Они не ищутъ оправданій
И не нуждаются въ любви!

1918 Петроградъ

Янв.

Февраль

Февраль къ апрѣлю льнетъ фривольно,
Какъ фаворитка къ королю.
Апрѣль, смѣясь самодовольно,
Шекочеть нервы февралю.

Ночами снѣжно-голубыми
Мечтаетъ палевый февраль,
Твердя весны святое имя,
О соловѣѣ, влекущемъ вдаль...

Дымящіеся малахиты
(Не море-ль въ тепломъ февралѣ?)
Сокрывъ прибрежныя ракиты,
Ползутъ и таютъ въ блеклой мглѣ.

Снѣгъ осѣдаетъ. Осѣдая,
Онъ бриллиантово блеститъ.
И на него сосна сѣдая
Самоувѣренно глядитъ.

Осядетъ снѣгъ, — сѣдая кудри
Смахнетъ безсмертная сосна.
Я слышу дрожь въ февральскомъ утрѣ:
О, это вздрогнула весна!

1918 Тойла

По этапу

Мы шли по Нарвѣ подь конвоемъ,
Два дня подь „арестомъ“ пробывъ.
Неслась Нарова съ дикимъ воемъ,
Бѣгъ ото льда освободивъ.

Въ вагонѣ заперты товарномъ, —
Черезъ Везенбергъ и черезъ Тапсъ, —
Въ какомъ-то забыты кошмарномъ,
Все время слушали про „шнапсъ“.

Мы коченѣли. Мёрзли ноги.
Насъ было до ста человекъ.
Что за ужасныя дороги
Въ не менѣе ужасный вѣкъ!

Прощайте, русскія уловки:
Въѣзжаемъ въ чуждую страну...
Бѣжать нельзя: вокругъ — винтовки.
Миръ заключенъ, но мы въ плѣну.

1918 Ревель

Въ хвойной обители

И снова въ хвойную обитель
Я возвращаюсь изъ Москвы.
Гдѣ вы меня не оскорбите
И не измучаете вы.

Вы, кто завистливъ и бездаренъ,
Кто подло-льстивъ и мелко-золъ.
Да, геній мудръ и свѣтозаренъ,
Среди безкрылыхъ — онъ орёлъ.

Какъ сердцу нестерпимо-грустно
Сознаться въ ёловой тѣни,
Что мало любящихъ искусство,
Но тѣмъ цѣннѣй зато они.

Среди бездушныхъ и убогихъ,
Непосвященныхъ въ красоту,
Отрадно встрѣтить ихъ, немногихъ,
Кого признательно я чту.

Вы, изнурѣнные въ тяжелыхъ
Условьяхъ жизни городской,
Ко мнѣ придите: край мой ёловъ,
Въ немъ — красота, а въ ней — покой.

1918 Тойла

Привѣтъ Эстоніи

Привѣтъ республикѣ эстляндской, —
Культурной, честной и благой. —
Правленья образъ шарлатанскій
Поправшей твёрдою ногой!

Ликуйте, мудрые эстонцы,
Въ чьихъ жилахъ сѣверная кровь:
Отнынѣ солнце — ваше солнце!
Новъ жизни вашей — ваша новъ!

Сыны Эстоніи приморской,
Просторьтесь въ золотыхъ поляхъ,
Какъ малоросъ надъ тихой Ворсклой
И какъ надъ Вислою — полякъ.

Но вы счастливы: нѣтъ въ васъ лѣни
Тупого хитраго хохла
И польскихъ взбалмошныхъ надменій, —
И ваша жизнь вдвойнѣ свѣтла.

Въ часы досуга пойте Бойто,
Читайте много вѣчныхъ книгъ
И на зарѣ встрѣчайте Койта,
А на закатѣ — Эмарикъ!

1918 Тойла

Край благословенный

Отраднo сознaвaть, что хлѣбa
Нaмъ хватитъ вплоть до сентябрa,
Что эстовъ возлюбилo небо,
Ихъ плодородіемъ даря.

И какъ ни хмурься Мефистофель,
Какія козни имъ не строй,
У нихъ неистощимъ картофель:
Такъ здѣсь налаженъ жизни строй.

Запасовъ разныхъ хватить на годъ,
Къ тому же близокъ урожай.
А сколько здѣсь грибовъ и ягодъ —
Ты, русскій, лишь воображай!

Весной начнется ловля рыбы, —
Не знаетъ кто эстляндскихъ шпротъ?
Ну какъ же не сказать: „спасибо“
Тебѣ, трудящійся народъ?

Благодаря тебѣ, быть можетъ,
Меня Россія сохранить.
Освобожденный не острожить, —
Своей свободы не чернить.

1918 Тойла

Рѣчѣнка

Межь Тойлою и Пюхаеги —
Ложбина средь отвѣсныхъ горъ.
Спускаясь круто къ ней въ тѣлѣгѣ,
Невольно поднимаешь взоръ.

Въ ложбинѣ маленькая рѣчка, —
Въ іюлѣ вродѣ ручейка, —
(. . . О, рѣчка, рѣчка-быстротечка!)
Течеть . . . для рачнаго сачка?!..

Ужъ такъ мала, ужъ такъ никчемна,
Что — для чего и создана? . . .
Но и въ нее глядитъ надземно
Небрезгающая луна.

По ней двухлѣтняя дѣвчѣнка
Пройдетъ, „не замочивши ногъ“ . . .
Но эта самая рѣчѣнка
Весной — бушующій потокъ!

Она внушительна въ разливѣ,
Она слышна за три версты,
Она большой рѣки бурливѣй
И рушить крѣпкіе мосты.

Тогда люблю стоять надъ нею
На сѣромъ каменномъ мосту:
Она бурлитъ, — я пламенѣю,
Въ ней славословя Красоту!

1918 Тойла

Норвежскіе фіорды

Я — сѣверянинъ, и фіорды
Норвежскіе — моя мечта,
Гдѣ мудро, просто, но и гордо
Живетъ Царица Красота.

Лилово-стѣльные заливы
Въ подковахъ озерносныхъ горъ;
Въ нихъ зорь полярныхъ переливы,
Межъ сосенъ бѣлой розы взоръ.

И синеглазья газели,
Чьи игры созерцаетъ лось,
Устраиваютъ карусели,
Гдѣ съ сѣрымъ синее слилось...

Тамъ тишина невозмутима,
И только гордый орлій кличъ
Ласкаетъ ухо пилигрима,
Способнаго его постичь...

1918 Тойла

Въ паркѣ

А ночи съ каждымъ днёмъ бѣлѣе,
И съ каждой ночью ярче дни!
Идемъ мы паркомъ по аллеѣ.
Налѣво море. Мы — одни.

Зелѣный полдень. Въ вешней нѣгѣ,
Среди отвѣсныхъ береговъ,
Рѣка святая, — Пюхаеги, —
Стремится, слыша моря зовъ.

На кручѣ горъ бѣлѣетъ вилла
Въ кольцо изъ кедровъ и елей,
Гдѣ по ночамъ поетъ Сивилла,
Мечтая въ бархатѣ аллеи.

Круглѣетъ колющій кротекусъ,
И земляничны тополя,
Смотрящіяся прямо въ рѣку,
Собою сосны веселя.

О принцъ июнь, приди скорѣе,
Въ сирень котѣджи разодѣнь!
Ночь ежедневно серебрѣе,
И еженочно звонче день!

1918 Тойла

У моря

Финляндскій вѣтеръ съ моря дуетъ, —
Пронзительно-холодный нордъ, —
И зло надъ парусомъ колдуетъ,
У шлюпки накреня борть.

Иду одинъ я надъ отвѣснымъ
Обрывомъ, видя волнъ разбѣгъ,
Любуясь изрозо-тѣлеснымъ
Пескомъ. Всѣ зелено — и снѣгъ!..

Покрыто снѣгомъ все подскалье
Отъ самыхъ горъ и до песка.
А тамъ, за нимъ, клокочетъ далью
Всѣ та-же синяя тоска...

Зелёный верхъ, низъ желто-синій,
И промежутокъ хладно-бѣлъ;
Пустыня впитана пустыней:
Быть въ морѣ небу данъ удѣлъ.

1918 Тойла

Къ морю

Полно тоски и безнадежья,
Отчаянья и пустоты,
Въ разгулъ своего безбрежья,
Безжалостное море, ты!

Невольно къ твоему уныню
Непостижимое влечетъ
И, упоая очи синью,
Тшетою сердце обдаетъ.

Зачѣмъ ты, страшное, большое,
Безъ тонкихъ линий и безъ формъ?
Владѣеть кто твоей душою:
Смиранный штиль? Свирѣпый штормъ?

И не въ тебѣ ли мой прообразъ —
Моя загадная душа,
Что вдругъ изъ безпричинно доброй
Бываетъ звѣрзче апаша?

Не то же ли и въ ней унынье
И безнадежье, и тоска?
Такъ влейся въ душу всею синью:
Она душѣ моей близка!

1918 Тойла

Койтъ и Эмарикъ

Эстляндская легенда о бѣлыхъ ночахъ.

1.

Койтъ, зажигатель солнца, и Эмарикъ, гасунья,
Встрѣтились передъ ночью въ небѣ, весной золотомъ.
Встрѣчею чаровались. Койтъ запыхалъ: „Чарунья!“
А Эмарикъ сказала: „Счастье въ тебѣ, молодомъ.“

И позабыла махнуть рукавомъ,
И не подула на солнце юнье,
И ослѣпило оно новолунье
Побѣдоноснымъ лучомъ.

2.

Богъ, Вседержитель неба, солнечный Вседержитель
Самъ Себя сотворившій, Койта и съ нимъ Эмарикъ
Богъ разразился гнѣвомъ: „Дерзостные! дрожите,
Планъ мой нарушить смѣли, оупенившіе мигъ!“

Въ небѣ раздался испуганный крикъ:
То растерялись — и Койтъ, небожитель,
И Эмарикъ, распустившая нити
Льняныхъ волосъ на свой ликъ.

3.

Но переживъ мгновенье, пламеннымъ чувствомъ
смѣлы,
Правы своей любовью, искренностью осмѣлѣвъ,
Койтъ съ Эмарикъ вскричали: „Мы предъ Тобю
бѣлы!
Мы предъ Тобю невинны! Твой непонятенъ гнѣвъ!“

И Эмарикъ, отъ тоски поблѣднѣвъ,
Облако въ руки взяла и запѣла,
Пѣла о чувствѣ своемъ и блѣднѣла
Блѣдностью дѣвственныхъ дѣвъ.

Онъ справедливъ, Премудрый! Богъ остается Бо-
 — гомъ!
 Свѣтлое возмущенье можетъ судью восхитить!
 Местъ пробуждаетъ правда только въ одномъ убо-
 гомъ,
 Богъ же всегда былъ Богомъ, пламя готовымъ про-
 стить.

И даровалъ Онъ имъ право любить,
 Въ вешнія ночи скрещаться дорогамъ,
 Разнымъ путямъ ихъ, и въ этомъ немногомъ
 Счастье умѣть находить!

1916 Гатчина

Морская памятка	5
Морской набросокъ	6
Поэза майскихъ дней	7
Балтика	8
Балтійская кэнзели	10
Эстляндская поэза	11
Псени предчувствіе	12
Письмо на югъ	13
Вервэна	14
Рондель бѣлой ночи	15
Поэза о барашкахъ	16
Орелюдя	17
Утро дня Св. Духа	18
Поэза о Гогландѣ	19
Поэза счастья	20
Девятнадцативешняя	21
Не улетай	22
Поэза голубого вечера	23
Поэза маленькой дачи	24
Томленіе бури	25
Поэза отгѣнковъ	26
Скорь прорѣзающая смѣхъ	27
Поэза раскрытыхъ глазъ	28
Избѣгнувшіе Петрограда	29
Поэза лѣсной опушки	30
Поэза о нищетѣ	31
Сказаніе о Ингридъ	32
Слѣпая Зигридъ	36
Бирюзовая поэза	38
Поэза о Маіоренгофѣ	39
Эсть-Тойла	40
Опять вдали	41
Ахъ, есть ли край?	42
На лыжахъ	43
Въ Ревель!	44
Лейтенантъ С	45
У Сологуба	46
Прежде и теперь	47
Царица русскаго стиха	48
Два острова	49
Нарва	50

Юрьевъ	51
Къ Альвинѣ	52
Почтальонъ	53
Афорозмы Уайльда	54
Февраль	55
По этапу	56
Въ хвойной обители	57
Привѣтъ Эстоніи	58
Край благословенный	59
Рѣченка	60
Норвежскіе фіорды	61
Въ паркѣ	62
У моря	63
Къ морю	64
Койтъ и Эмарикъ	65